

**ВОЛЧЬЯ
КАТОРГА**

Евгений СУХОВ

ВОЛЧЬЯ
КАТОРГА



ЭКМО
МОСКВА
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С 91

Художник *И. Варавин*

Сухов Е.

С 91 Волчья каторга / Евгений Сухов. — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Я — вор в законе).

ISBN 978-5-699-68661-2

Москва, конец XIX века. Судебный следователь Иван Воловцов расследует убийство коммивояжера Григория Стасько. Под подозрение в первую очередь попадает Зинаида Кац, на мужа которой коммивояжер донес в полицию. Воловцов почти уверен, что Григория по просьбе Зинаиды убил ее родной брат. Есть и доказательства: в одном из увеселительных заведений тот расплатился часами, украденными у коммивояжера. Дело вроде бы ясное, но следователь вдруг решает еще раз осмотреть меблированные комнаты, где был найден труп Стасько. Тщательный осмотр места преступления приносит свои плоды: у Воловцова появляется еще один подозреваемый...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-68661-2

© Сухов Е., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ГЛАВА 1

Начальство не любит, чтобы
сотрудники отдыхали долго,

или

Новое дело судебного
следователя Воловцова

Напольные часы в приемной председателя Департамента уголовных дел Московской Судебной палаты Геннадия Никифоровича Радченко пробили девять звонких ударов. С десятым ударом двери растворились, и в приемную вошел сам председатель Радченко — человек тридцати восьми лет от роду, безбородый, безусый и с весьма приятной, располагающей наружностью. Кивком головы он поздоровался с секретарем, пожал руку судебному следователю по наиболее важным делам Воловцову, которому было назначено на девять утра, и прошел к себе в кабинет, оставив дверь слегка открытой. Это означало, что в кабинет можно войти. Воловцов знал привычки своего непосредственного начальника, но все же вопросительно глянул на секретаря: «Я войду?» — «Входите», — кивком головы разрешил секретарь, и Воловцов, выждав

еще пару мгновений, переступил порог кабинета председателя департамента...

— Рад видеть вас в добром здравии, Иван Федорович, — произнес Геннадий Никифорович, указывая на стул подле своего письменного стола. — Как отдохнули?

— Благодарю вас, отдохнул хорошо, — ответил Воловцов, присаживаясь на стул. — Похоже, выспался на неделю вперед.

Со стороны можно было подумать, что судебный следователь Воловцов только что вернулся из вакации, иначе, из длительного отпуска, который он провел, к примеру, вдали от Первопрестольной в своем родовом имении, где только и делал, что ходил по гостям, вкушал различные деликатесные яства, пил с соседскими помещиками мадеру с малагой и спал не менее, нежели до полудня. Однако в действительности все было не так. Никакого родового или иного имения за Иваном Федоровичем Воловцовым не числилось, да и отпуска, как такового, у него не было. Просто по завершении дела о двойном убийстве в Хамовническом переулке и ночной засады в Детской клинической больнице, где преступник-убийца был взят с поличным, начальство выделило ему день отдыха, что, видимо, с их точки зрения, и считалось отпуском. Впрочем, судебный следователь Воловцов от дела никогда не отлынивал и бесцельному отдыху предпочитал служение Государю и Державе в благороднейшем деле очищения Отечества

от злоумышленников и законопреступников. Хотя судебному следователю по наиболее важным делам коллежскому советнику Ивану Федоровичу Воловцову можно было бы дать отдохнуть и побольше, поскольку дело о двойном убийстве в Хамовниках оказалось весьма запутанным и крайне непростым...

Суть дела была следующей.

Пятнадцатого декабря прошлого года, в половине девятого вечера, в доме мещанки Стрельцовой, что стоит на углу Хамовнического и Божениновского переулков, в квартире главного пивовара Хамовнического медопивоваренного завода Алоизия Осиповича Кара были обнаружены еще теплые тела его жены Юлии Карловны и дочери Марты. Также в комнате Марты в крайне тяжелом состоянии находилась младшая дочь Алоизия Кара — Ядвига. Всем им, в том числе и Ядвиге, были нанесены проникающие ранения головы тяжелым предметом наподобие топора или колуна. Орудие убийства со следами крови лежало на кухне. Им и в самом деле оказался колун, с месяц назад пропавший у дворника Федора. Однако правда о его пропаже выяснилась лишь после того, как дело принял в свое ведение судебный следователь Воловцов.

Первым тела убиенных обнаружил сын Алоизия Осиповича, Александр, дожидавшийся на кухне, когда вернется из кондитерского магазина слуга семейства Кара Василий Титов, которого Кара-младший послал за карамелью.

Александр собирался к своей невесте Клавдии Смирновой, поскольку она намеревалась поутру следующего дня ехать в Боровск, а потому надлежало проститься с ней соответствующим образом: он накопил ей подарков (в том числе дорогих ювелирных украшений), но забыл про карамель, которую барышня очень любила. Вот и послал за ней в магазин слугу. Дожидаясь Титова, Александр, как он сам показывал на допросах, услышал «душераздирающие» крики, доносившиеся из комнаты Марты, кинулся туда и увидел, что Марта убита, а неподалеку лежит тяжелораненая Ядвига. В столовой им была обнаружена мать, не подающая признаков жизни. В отчаянии Александр кинулся за помощью к доктору Бородулину, который проживал этажом выше, в надежде, что еще можно спасти Ядвигу. А когда он выбежал в сени, то увидел впереди себя убийцу матери и сестры, тоже выбегавшего в сени, но со стороны зала. Преступник очень быстро миновал переднюю и выскочил на улицу, так что преследовать его уже не имело смысла. Александр только успел запомнить, что у преступника была узкая спина, приподнятые плечи и бритый затылок. И одет он был в черное полупальто.

А потом все пошло своим чередом: семилетнюю Ядвигу отвезли в Детскую клинику на Девичьем поле, приехала полиция во главе с помощником пристава Холмогоровым, начались допросы и следствие. Обнаружение в спальне

четы Кара открытого сундучка, где хранилось семейное добро, а также валявшихся у двери пятисотрублевой и сотенной купюр навело Холмогорова на мысль, что преступник в отсутствие хозяина проник в квартиру с целью ограбления. Он знал, что Алоизий Кара всегда по субботам уезжал в чешский клуб, поскольку был чехом и австрийским подданным, и что в квартире находятся одни женщины, с которыми он намеревался легко справиться. И справился: хладнокровно зарубил их загодя припасенным колуном. Но закончить свой преступный умысел ему помешал вбежавший Александр Кара. Он бросился на крик младшей сестры и спугнул смертоубивца, у которого при бегстве выпали деньги, похищенные из сундучка в спальне и обнаруженные помощником пристава Холмогоровым. Только вот как на кухне оказался окровавленный колун? Это был вопрос вопросов, поскольку на кухню, где дожидался Василия Титова Александр Кара, преступник попасть никак не мог...

В ходе следствия, к которому подключился начальник московского сыскного отделения коллежский советник Лебедев, под подозрение попали четыре человека: проживающий в Божениновском переулке и имеющий звероподобный вид крестьянин Иван Гаврилов, отбывший четыре года в исправительном арестантском отделении, нищий немец Рауль Шнитке, побирающийся в Хамовниках, слуга семейства Кара Василий Титов и... сам Александр Кара.

Последний попал под подозрение благодаря нахождению орудия убийства — того самого окровавленного колуна — на кухне, где, по показаниям самого Александра, он дожидался слугу Василия Титова.

В ходе следствия Шнитке и Титов из числа подозреваемых отпали, а вот Иван Гаврилов и Александр Кара были «оставлены в серьезном подозрении». Но поскольку никаких прямых улик против них не имелось, дело о двойном убийстве в Хамовническом переулке было вскоре закрыто «за ненахождением виновных» и положено на полку нераскрытых дел...

Конечно, такой результат никак не мог удовлетворить Алоизия Осиповича Кара, потерявшего жену, старшую дочь и сделавшегося отцом искалеченной младшей дочери Ядвиги. Пивовар, недолго думая, написал на имя государя императора письмо-жалобу, где просил державного венценосца защитить его интересы, как иностранного подданного, и найти убийцу членов его семьи. Государь проникся, поддержал несчастного вдовца и обратился в Сенат с просьбой провести по делу о двойном убийстве в Хамовническом переулке новое следствие. Правительствующий Сенат данную просьбу посчитал приказом и поручил Судебной палате возобновить следствие по делу гибели семьи Кара. А его превосходительство московский окружной прокурор действительный статский советник Завадский поручил это дело Ивану

Федоровичу Воловцову. Дело получило статус наиважнейшего, а судебный следователь Воловцов стал обладателем документа, предписывающего всем чинам и должностным лицам оказывать ему в расследовании двойного убийства в Хамовническом переулке всяческое посильное содействие...

Иван Федорович начал с того, что вдоль и поперек изучил само дело и прочел не по одному разу все протоколы допросов.

Затем снял со свидетелей новые показания, заставив припомнить детали, которые не вошли в первые протоколы допросов. Некоторые из этих деталей явно наводили на мысль, что убийца не кто иной, как Александр Кара, хотя в голове просто не укладывалось, что сын может убить любящую мать, сестру и покушаться на жизнь младшей сестры...

Укрепившись в своих подозрениях, Воловцов стал плести вокруг Александра Кара сеть. Тот это почувствовал и предпринял ответный ход, в результате которого Иван Федорович имел весьма нелицеприятный разговор с окружным прокурором Завадским, закончившийся тем, что прокурор дал Воловцову на расследование дела всего неделю, после чего, если убийца не будет найден, пообещал отстранить его и передать дело другому судебному следователю.

Шли день за днем, а Воловцов не мог найти против Александра ни одной прямой улики. А у того, похоже, стали сдавать нервы. Он

явился в полицию с заявлением, что знает, кто убил его мать и сестру, и показал на Ивана Гаврилова... Конечно, Гаврилов был арестован, и дело могло вот-вот закрыться, так и оставив преступника разгуливать на свободе. Но Воловцов, сговорившись с начальником московского сыскного отделения Лебедевым, устроил для Александра Кара ловушку. Воловцов переговорил с профессором Прибытковым, московским врачебным светилом, под наблюдением у которого находилась бедная Ядвига Кара, чтобы тот сказал отцу и сыну Кара, что будто Ядвига пошла на поправку и не сегодня-завтра назовет имя убийцы. Обеспокоенный Александр решил довершить начатое и убить Ядвигу, ставшую для него крайне опасным свидетелем. Он проник ночью в Детскую клинику, зашел в палату, где лежала сестра, и намеревался задушить ее подушкой, но ему помешали это сделать Воловцов и Лебедев. Более того, у них имелся свидетель покушения на убийство Александра Кара — сестра-нянечка клиники. Триумфальное завершение дела в связи с нахождением и обличением преступника, причем в последний день срока, данного окружным прокурором Завадским Ивану Федоровичу, делало судебного следователя Воловцова героем дня и несомненным победителем. После такого дела судебному следователю по наиболее важным делам Департамента уголовных дел Судебной палаты Ивану Федоровичу Воловцову действительно можно

было дать отдохнуть и побольше, нежели один день. Но пути начальства, как и пути Господни, неисповедимы...

Итак, поблагодарив Радченко за теплые слова в его адрес, Иван Федорович присел на предложенный стул и весь обратился во внимание. Ведь вызван он был к десяти утра — время, весьма раннее для председателя Департамента уголовных дел Судебной палаты, — потому что для него было уготовано новое дело, которое Радченко и собирался поручить ему, судебному следователю Воловцову, выспавшемуся, как он сам признался, «на неделю вперед». Наверное, лучше было бы не говорить таких слов...

— Как я вас ранее и информировал, — начал Радченко, — вам поручается вести следствие по новому делу, которое мы условно назвали «Убийство коммивояжера». Расскажу вам коротко суть дела: в Дмитрове две недели назад, то есть семнадцатого сентября сего года, в меблированных комнатах Малышевой остановился коммивояжер Григорий Иванович Стасько, приехавший из Москвы с двумя корзинами карманных и наручных часов и весьма приличной суммой денег. На следующий день его нашли мертвым, с признаками насильственной смерти, причем номер был заперт изнутри, а окна закрыты. Деньги исчезли, кроме того, похищено более двух десятков золотых и серебряных преимущественно женских часов. Местная по-

лиция и следователь зашли в тупик, поскольку главного виновника убийства обнаружить не удалось. Владелица меблированных комнат мещанка Глафира Малышева и ее младшая сестра Кира арестованы по обвинению в соучастии и укрывательстве преступления и в настоящий момент содержатся в Дмитровской следственной тюрьме. Привлечена и арестована за подстрекательство к убийству московская мещанка Зинаида Кац. Дело в том, что полтора месяца назад Григорий Стасько помог полиции найти и задержать ее мужа Хаима Каца, находящегося под следствием и в розыске за присвоение денег у разных лиц, в том числе и пятисот рублей у Стасько. По задержании Хаима Каца его жена Зинаида заявила Стасько, что это ему даром не сойдет и что вскорости он будет убит. Месяц Стасько не выходил из дома, опасаясь мести, однако коммерческие дела требовали своего разрешения, и в первый же его выезд по делам он, как видите сами, был убит. Так что Зинаида Кац арестована и содержится ныне в Бутырской тюрьме. Однако все улики против них косвенные... Хороший присяжный поверенный без особого труда развалит дело против этих трех женщин, и присяжные заседатели непременно вынесут им оправдательный вердикт. Суд будет вынужден освободить их от полицейского надзора, то есть не оставит даже в подозрении. После чего дело об убийстве коммивояжера можно класть на полку нераскрытых дел в архив, что,

как вы сами понимаете, — Радченко при этом со значением посмотрел в глаза Ивана Федоровича, — для нас крайне нежелательно. Поэтому дело это возведено в разряд наиважнейших и поручается вам, уважаемый Иван Федорович. С деталями дела и протоколами допросов свидетелей вы сможете ознакомиться в Дмитрове в полицейской управе...

— Ясно, Геннадий Никифорович, — поднялся Воловцов. — Разрешите приступить?

— С чего начнете? — заинтересованно посмотрел на него председатель Департамента уголовных дел.

— Побеседую сначала с супругой убиенного коммивояжера Стасько, — охотно ответил судебный следователь по наиважнейшим делам. — Потом сниму допрос с подстрекательницы Зинаиды Кац. Если же ничего не будет держать в Москве, поеду в Дмитров...

— Хорошо, — согласился с доводами Воловцова председатель Департамента. — Зайдите в канцелярию, получите все нужные бумаги и деньги на командировочные расходы. И... желаю вам удачи!

— Благодарю вас, — пожал протянутую ладонь Иван Федорович и покинул кабинет Радченко.

Новое дело... Три женщины, непосредственно не убивавшие, но принимавшие косвенное участие в убийстве и, возможно, знающие преступника... Ладно, поглядим, что к чему...